

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1995 г. А.Д. ДУЛИЧЕНКО

РЕЗЬЯНОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ СЛОВЕНИСТИКИ

(в связи с выходом монографии Х. Стэнвейка "Словенский диалект Резья Сан Джорджио" и сборника "Основы практической резьянской грамматики")

В Северной Италии, в области Фриули-Венеция-Джулия, в долине Резья, в окружении итальянского и фриульского населения, многие века существует словенский островок. По месту проживания местные словенцы называют себя резьянами. В настоящее время численность их определяется примерно в 1400 человек и занимают они несколько селений: Била (San Giorgio), Раванца (Prato di Resia), Нива (Gniva), Солбица (Stolvizza), Осояны (Oseacco), а также Липовац (Lipovaz), Крижан (Crisarte), Гозд (Gost), Лисенек (Lischiazze) и Учья (Ucsea). Резьянский является весьма специфическим словенским диалектом, с одной стороны, сохраняющим в себе много архаичного, с другой – подверженным сильному итальянско-фриульскому воздействию. В соответствии с авторитетной классификацией Ф. Рамовша, он входит в приморскую диалектную зону наряду с присочским, терским, надижским и некоторыми другими словенскими диалектами ([1]; см. также: [2]).

Резьян-словенцев открыл для науки граф Ян Потоцкий в 90-е гг. XVIII в. (возможно, в начале XIX в.), возвращаясь из своего очередного путешествия и записав в Резье небольшие образцы речи. Некоторые сведения о них появились в начале XIX в. в "Слованке" (1808) И. Добровского, а позднее, в 1816 г., Б. Копитар обнародовал записи Я. Потоцкого. С научной целью первым Резьянскую долину посетил в 1841 г. И.И. Срезневский и в этом же году – Ст. Враз. И.И. Срезневский дал и первую классификацию словенских диалектов, указав на специфическое место в ней резьянского [3]. Однако истинное "раскрытие" для словенистики и славистики вообще резьян и их языка сделал в 70-90-е годы XIX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ, начавший их изучение по инициативе И.И. Срезневского, неоднократно посещая Резью с диалектологическими и этнографическими целями. Докторской диссертацией "Опыт фонетики резьянских говоров", вышедшей отдельной книгой [4] и рядом других публикаций, в том числе памятников резьянской письменности и диалектных текстов, переданных тончайшей транскрипцией [5–7]. Бодуэн заложил основы словенистической дисциплины, называемой нами резьянологией (смотри, например: [8]). В 1966 г. Н.И. Толстой опубликовал часть оставшегося в рукописи бодуэновского "Резьянского словаря" [9, с. 183–226], который ныне подготовлен к печати и планируется к изданию Словенской Академией наук и искусств в Любляне. После Бодуэна интерес в науке о резьянском островке несколько упал, оживившись лишь в 20-30-е годы благодаря прежде всего стараниям словенского диалектолога Ф. Рамовша; в 50-70-е гг. резьянами плодотворно занимаются словенцы М. Матичетов и Т. Логар (библиография резьянологических работ за 1927–1979 гг. дана в книге М. Матичетова [10], а в 80-е гг. также слависты других стран (работы американцев Э.П. Хэмп и Э. Станкевича, голландцев Б.М. Груна, В.Р. Фермера, Х. Стэнвейка, канадца Т.М.С. Пристли, самих резьян Дж.М. Ротта, А. Мадотто и некоторых других).

Резьяне, несмотря на свою малочисленность, еще в XVIII в. предпринимали попытки писать на родном диалекте. В частности, на него были переведены с итальянского некоторые религиозные тексты. Самые крупные памятники подобного рода – обнаруженные И.А. Бодуэном де Куртенэ в 1875 г. в оригинальном исполнении, а в 1894 г. в фонетической транскрипции изданный "Резьянский катехизис", а позднее и "Христианское учение" (опубликован в 1913 г.). Первая печатная резьянская книга появляется лишь в 1927 г. Это было составленное Дж. Крамаро "Христианское учение" [11]. С этого времени зарождается у резьян литературно-художественный процесс (поэзия Шемуна Билака, Марики Кундины). После второй мировой войны появились поэтические произведения Паски Дулицы, Тыны Вайтавой, Минки Сантичевой, Джильберто Барбарино, Сильваны Палетти, Рино Кинезе, Дорины ди Ленардо и Ренато Квалья. Двое последних являются авторами отдельно изданных поэтических сборников (вышедших соответственно в 1974 и 1985 гг.). Для укрепления этнического самосознания резьян значение имели изданные известным словенским фольклористом, крупнейшим знатоком резьянской культуры и этнографии М. Матичетовым произведения устного народного творчества [12; 13]. В настоящее время в Резье для поддержания резьянско-словенской речи и этнического самосознания резьян определенную роль играют культурные общества "Rosajanska Dolina" и "Rozajanski Dum". Тексты по-резьянски появляются в приходском (парохиальном) бюллетене "All'Ombra del Canin", выходящем в Удине, и в еженедельнике "Novi Matajur" (издается в Чивидале). Резьянские тексты публикуются также в изданиях Словении.

В начале 90-х гг. исключительно важное значение для резьянологии имели два крупных события – международная научная конференция 1991 г. в Резье "Основы практической резьянской грамматики" [14], материалы которой составили вышедший в 1993 г. отдельный том, и выход годом ранее монографии голландского слависта Хана Стэнвейка "Словенский диалект Резьи Сан Джорджо" [15].

Первые публикации Х. Стэнвейка по резьянской фонетике (в основном по вокализму) стали появляться в виде статей во второй половине 80-х гг. и были связаны с записями резьянской речи, сделанными сто и более лет тому назад И.А. Бодуэном де Куртенэ [16; 17]. В 1988 г. появляется его анализ системы ударных гласных бильского (бельского) говора [18], а в 1990 г. – статья об именном склонении фриулизов в резьянском [19]. И вот, наконец, монография, в которой впервые представлено полное описание говора одной из деревень Резьи – Билой (по-итальянски – Сан-Джорджо). Бодуэн в своем "Опыте" дал общерезьянское описание фонетики. Х. Стэнвейк, спустя более ста лет, сосредоточил внимание полностью лишь на одном резьянском говоре, одном из четырех.

Во введении к монографии (с. 1–17) автор дает краткую характеристику того, что было сделано в изучении резьянского диалекта до Бодуэна ("Pre-Baudouin"), затем говорит о заслугах Бодуэна и оставшихся после него неразрешенных вопросах, и, наконец, о работах, появившихся после Бодуэна ("Post-Boudouin"). Здесь же он рассматривает сложные вопросы резьянской фонетики и фонологии, обращая, в частности, внимание на проблему так называемых "темных" (по Бодуэну) гласных и ее интерпретации различными исследователями; далее, отмечаются особенности рефлексов ударных и безударных гласных, а также некоторых консонантных фонем (проблема фрикатизации [g] и др.).

Фонологическое описание бильского говора представлено сжато, но достаточно полно (вторая глава, с. 19–48). В ударной позиции выделяются гласные: *i, u, i̇, u̇* (высокие); средние, выступающие в высоком и низком вариантах, *e–ε, o–ɔ, ə–e, ɔ*; наконец, низкие *a, v*. Неударная вокалическая система проще – высокие *i, u*, средние *e–ε, o–ɔ* и низкий *a*. Затем особо рассматриваются все эти гласные со специальным вниманием к установлению позиции их нейтрализации, а также дистрибуции. Консонантная система устанавливается в виде оппозиций *p–b, t–d, ʃ–đ, k–g, f–v, s–z, š–ž*, а также не имеющие соотносительных компонентов *h, m, n, l, r, w* и *j*. Звонкие под-

вергаются активной нейтрализации в позиции конца слова и перед глухими, ср.: *rúk* "рог", но *róga* (род. пад.), *wóska* "узкая", но *wózak* "узкий" и под. Что касается дистрибуции согласных, то рассматриваются преимущественно их сочетания типа *dl* (при *krádal* "крал" – *krádlá* "крала"), *sl* (при *něsal* "нес" – *naslá* "несла") и др., т.е. возникающих при беглости гласных. Особый параграф посвящен сандхи, имеющему в резьянском достаточно пестрые проявления (*dwánijst dnúw* "двенадцать дней" – как *duaniz'dnuu*, *an bíl* – как *am'bil* и под.).

Морфонологическая часть, занимающая третью главу (с. 49–79), включает детальное описание регрессивной ассимиляции гласных типа *wotrók*, но *utrukú* (дат. ед.), вставных вокалических элементов (*jajcé*, но им. мн. *jájice* и под.), расширений типа *čít* "слышать", но 1 л. ед. ч. наст. времени *čújen*, т.е. # – *j*, усечений типа род. ед. *krúwa*, но им. и вин. ед. *krú* и др. Специально анализируются чередования гласных и согласных (*krěj* "край, район", но род. ед. *krája*, *kráwa*, но род. ед. *kráve* и т.д.). В связи с согласными выявлены возможные случаи палатализации, особенно характерной для заднеязычных (род. ед. *patóka* "потока, ручья", но местн. ед. *patóce*, им./вин./ местн. ед. *wóki*, но им./вин. мн. *wóči*, т.е. *k ~ c*, *k ~ č*). Весьма ценным здесь является то, что все отмеченные морфонологические процессы рассматриваются внутри частей речи (обычно это существительные, прилагательные и глаголы). Кое-где обнаруживаются интерпретации, которые вызывают сомнения. Так, характеризуя систему палатализации согласных, автор несколько упрощает существо дела: в форме *jískala ~ jíšce*, т.е. "искала" – "ищет" речь должна идти не о смягчении *k*, а сочетания *sk ~ šc*, так же и в случае с *zvǐzgal ~ zvǐžden* – не *g ~ d*, но *zg ~ žd* (с. 68). Что касается типа *klǐcali ~ klǐčēn*, т.е. "звали" – "зову" (пример почему-то отражает, по автору, палатализацию *s ~ š*, с. 69), то здесь ход палатализации был, видимо, иным: гипотетическое *[klǐkar] ~ klǐcali*, т.е. *k ~ c* и *[klǐkjǝ] ~ klǐčēn*, т.е. *kj ~ č*.

Большая часть монографии посвящена морфологии (с. 81–158) и, в частности, характеристике словоизменительных качеств существительных, прилагательных, глаголов и рассмотренных в одном разделе местоимений, числительных и артиклей. Если говорить о склонении существительных, то следует прежде всего указать на унификацию его по родам и в то же время на сохранение такой архаики, как двойственное число. Правда, парадигма двойственного числа в резьянском практически отсутствует, есть лишь ее реликты – выразительные в дат. пад. (*-ama*, *-áma*) и менее выразительные – в им./вин. пад. у существительных муж. и ср., а также жен. родов на *-a*, в то время как у существительных жен. рода на мягкую основу никаких показателей этого числа практически не осталось. Двойственное число в бильском говоре удерживают также личные местоимения (им. муж. *mídwa*, им. жен. *midví* и дат. *náma*) и глагол (в настоящем времени лишь 1 л. – *-wa* и 3 л. – *-ta*, в имперфекте 1 л. *-wa*, в будущем 1 л. *bówa*, т.е. так же неполная парадигма). Архаикой в сфере прилагательного является сохранение именных форм, правда, уже не образующих полной парадигмы (различаются лишь им. и вин. ед. и мн. ч.). Помимо общесловенского и общеславянского вида суффиксальных форм сравнительной степени, употребляются также наряду с формами типа *bǝ/bojǝ dóbar* "более добрый, добрее" также редупликации типа *stári stári múžji* "старейшие/самые старые мужчины". Большинство заимствованных из итальянско-фриульского источника прилагательных не склоняются. Для системы местоимений особую черту составляют энклитики – преимущественно у личных, но встречаются также у притяжательных, вопросительных и других местоимений. Как в общесловенском, относительное местоимение *ki* "который, какой..." не склоняется. Не изменяются по падежам и количественные числительные от пяти и выше, а парадигма порядковых числительных оформилась суффиксом *-nj*: *trénji* "третий",

děsadjī/děsanjī "десятый" (за исключением супплетивного "первый" – *rǎvī* и заимствованного из романского *sagónt* "второй"). Что касается артикля, то он происходит от указательного местоимения *te* "тот", "этот" (определенный артикль) и от числительного "один" – *din* (неопределенный артикль), при этом оба артикля обладают полной словоизменительной парадигмой ед. и мн. чисел (двойственного числа нет). В области глагола, кроме отмеченной ранее особенности – двойственного числа, показательным является наличие имперфекта, аорист уже не фиксируется, а будущее время образуется от глагола *bǎt* "быть" (*bón, bǒš, bó/ho* и т.д.), в то время как более обычным является употребление для этой цели настоящего совершенного. Инфинитив и архаичный супин имеют одинаковый показатель – *-t*, однако между ними может быть проведено различие с помощью внутрикорневой вокалической альтернации типа инфинитива *jěst*, но супин *jíst* "есть". В связи с описанием глагольной системы странным нам представляется то, что причастие на *-l* представлено изолированно от форм, с которыми оно связано грамматически (с. 139–141). В этой связи не совсем ясно, почему автор монографии не видит наличия в бильском говоре четко выраженного перфекта (*so bili* "были", *je prǎvila* "она рассказывала" и под.), как, впрочем, и плюсквамперфекта типа *nǐ so bili mǐ zdělali naridǎt*. (Правда, об этом сказано, однако, недостаточно в связи с синтаксисом на с. 182). В целом же морфологическая система описана последовательно, и, что очень важно, Х. Стэнвейк пытается представить исчерпывающие списки собранных им слов, классифицируя их по различным основаниям (например, одно-, дву- и трехслоговые и под.).

Что же касается служебных частей речи, то они рассмотрены в небольшом разделе, названном "Замечания по синтаксису" (с. 159–187). Собственно, весь синтаксис сведен автором к анализу употребления предлогов и союзов; последние связываются с теми или иными видами сочинительных или придаточных предложений. Примечательным здесь является наличие утвердившихся в резьянском служебных слов романского происхождения, сравни предлоги *čēnce* "без", *kǔntra* "против", союзы *ma* "но", *perkē* "потому что, так как" и некоторые др. Отсутствуют сведения о частицах и междометиях, как, впрочем, и о наречиях (т.е. специально не выделены).

Очень ценным представляется нам глава с диалектными текстами, записанными самим автором. Таких текстов 20 (с. 189–224), они старательно транскрибированы и хорошо акцентированы, при этом италофриулизмы в виде отдельных слов, словосочетаний и предложений, вклинивающиеся в речь информантов, подчеркнуты. Поэтических текстов два – так называемый "Резьянский гимн" (текст № 21, с. 224) и достаточно объемное фольклорное произведение на с. 227–229. Чтобы увидеть общерезьянскую перспективу, автор делает полезное сравнение вокалических систем всех четырех резьянских говоров – Билой, Нивы, Осоян и Солбицы (с. 231–235). К книге приложен словарь (с. 237–338) с переводом слов на английский язык. Однако особенность словаря заключается не в этом, а в том, что он представляет собою по существу лексический инвентарь для грамматических целей – такой, каким его делал в "Резьянском словаре" И.А. Бодуэн де Куртенэ (на это обратил в свое время внимание Н.И. Толстой [9, с. 185–186]). Х. Стэнвейк в качестве реестровых слов дает, например, причастные формы типа *bǔkala* "мычала", формы настоящего времени *bliščǐ* "блестит" (3 л. ед. ч.) и под. При реестровых словах, поданных в "начальных формах", исчисляются склоняемые и спрягаемые формы и т.д. К книге приложено резюме на итальянском языке (с. 345–352).

После классических работ И.А. Бодуэна де Куртенэ труд Хана Стэнвейна, без сомнения, является самым значительным достижением современной резьянологии. Для появления такого труда понадобилось более ста лет. Весьма ценным является то, что голландский славист досконально описал один из основных говоров Резьи, т.е. представил нам его практически во всей полноте. В отличие от Бодуэна, он пользовался, естественно, самыми современными техническими средствами записи и анализа живой

речи. Однако и это не помогло бы так блестяще выполнить поставленную задачу, если бы исследователь не обладал тонким языковым слухом и чутьем. Нет сомнения в том, что для молодого резьянолога, каковым является Х. Стэйнвейк, настоящий труд – это не завершение и не окончательный итог его научных занятий в области языка северо-итальянских славян, напротив, это тот фундамент, на котором он создаст в недалеком будущем новые работы. Показательно, что монография Х. Стэйнвейка вызвала широкий резонанс в самой Резье, среди носителей диалекта, к которому он обратил свои научные интересы (см., например, [20]).

*

Мы уже упомянули, что резьяне начиная с XVIII в. пытаются применить свой родной диалект в письменности. Литературно-языковой процесс у них развивается уже на протяжении двух веков, то оживляясь, то затухая на некоторое время. С 80-х гг. XX в. можно говорить о весьма действенных усилиях носителей этого диалекта в сотрудничестве со славистами различных стран по выработке единого резьянского литературного языка. Так, в 1980 г. в с. Раванцы прошла международная научная конференция, посвященная вопросам выработки резьянской графики и орфографии. Предлагались два типа графики – словенская и итальянская латиницы. До сих пор этот вопрос, однако, окончательно не решен (см., например, [21]). В 1991 г. состоялась вторая научная конференция, на этот раз – по вопросу создания основ нормативной (или практической) грамматики. Рассматриваемый нами сборник как раз и составляют материалы этой конференции. В книге представлены статьи резьянских авторов, а также славистов Словении, Италии, Голландии, США, Германии и Эстонии, занимающихся резьянологией.

Резьянские авторы пишут о необходимости охранительных мер в отношении резьянщины, видя их, в частности, в окончательном решении вопроса о создании основ графики и орфографии и, понятно, нормативной грамматики (об этом пишет Луиджи Палетти), в активном использовании и преподавании родного диалекта в школе (Дорина ди Ленардо), в культивировании его в церкви. В частности, в статье "Употребление резьянщины в литургии" (с. 9–15) Маурицио Ридольфи сообщает о новых опытах перевода для верующих на резьянский отрывков из Библии, с составленными по-резьянски молитвенниками и песенниками, а также с официальным порядком введения Закона Божия на родном языке в школе. Джованни Ротта, известный своими работами в области демографии, рассматривает вопрос о современном демографическом состоянии Резьи и прежде всего ее славянского населения, делая упор на популяции молодежи школьного возраста. Автор, например, видит некоторые стабилизирующие моменты, касающиеся числа учащихся.

Несколько материалов посвящено вопросам графики и орфографии литературной резьянщины. Американский славист Эрик П. Хэмп (Чикаго) в статье "К практическому резьянскому алфавиту (с примерами из именного склонения)" (с. 55–66) предлагает проект нового резьянского алфавита, по существу являющийся дальнейшей разработкой предложенного им же на первой научной конференции в Раванце в 1980 г. Основная задача автора – максимально приблизить его к итальянскому. Вот его состав: *a, ä, b, d, d'* (соответствует принятым в научной транскрипции *ǵ* или *ǵ̇*: *ǵo* "да"), *dz, dź* (для *ž*), *e, ę* (*ę* ~ *æ*: *od nę scęnę* "от одной женщины"), *ę* (для снятия варьирования типа *snihh* ~ *snghę* ~ *sněhā* "снег", т.е. *sngh*), *ě* (*no víě* "лист"), *f, (g)* (фрикативное), *gn*, т.е. *ń* или *nj*, *h, hh* (= *x*: *hhlòdije* "травы"), *i, ĭ, ĭ* (для снятия чередования *ę* ~ *i*), *j* – в случаях, когда *j* чередуется с нулем, *ǵ* – в остальных (*ǵ üde* "люди"), *k, l* – при чередовании с *w* (*bil* ~ *biw* "был"), *ll* – во всех остальных случаях, *m, ñ, o, ɔ* (для снятия чередования *u* ~ *o* ~ *ö*: *ruh* ~ *rohòw* ~ *röhä* "рог"), *ö* (*öbläk* "облако"), *p, r, s, ɣ* для *z* [*ʒ*] (*šob* "зуб"), *sc* для *š*, *sc* для *ž* (*scíw* "живой"), *t, t'* (близкий к

k': *ètě* "хотите"), *u*, *ü*, *v*, *w* и *ú* (твердый и мягкий губно-губные), *z* для *c* [ц], *ž* для *č* (*žlowěk* "человек"). Здесь очевидно, с одной стороны, стремление отразить звуковое многообразие резьянщины, сравни, например, вокалические ряды *a-ä*, *e-ę* ~ *e-ě*, *i-ĩ* ~ *i-ĩ*, *o-ǫ* ~ *ö*, *u-ü* (14 гласных из общего вокалического инвентаря в 17 единиц), с другой, как можно более "итальянизироваться", сравни: *gn*, *sc*, *z* и др. Первое не намного отдаляет предложенный алфавит от научной транскрипции (в целом в проекте 44 знака), а второе "одевает" славянское слово в такой "чужеземный" наряд, что впору смотреть на него именно как на итальянский. Разве можно распознать нечто славянское в предлагаемых написаниях типа *5 žricgn* или *scęnă*? Оказывается, что первое "означает" *5 črišnj* "5 черешен", а второе – *ženă*, т.е. "жена, женщина"!.. Уходя от общепринятой славянской латиницы автор впадает в другую крайность, вводя совершенно не практикуемые в алфавитах по крайней мере европейских языков диакритические знаки типа *ę*, *ĩ*, *ǫ*, *š*, *sc*, а также *j* (последний на письме просто невозможно будет отличить от обычного *j*). Чтобы пользоваться таким алфавитом практически, нужно быть языковедом да еще и с хорошими знаниями фонетики, в том числе и исторической...

В конструировании графической системы, как, впрочем, и нормативной грамматики, важна, как нам кажется, не только абстрактная логика, но и тот реальный практический опыт, который складывался веками. Павел Мерку (Триест), известный собиратель и издатель фольклора итальянских славян, этнограф, историк и культуролог, предлагает при создании графики опираться на словенскую латиническую традицию, дополнив ее специфическими для резьянщины *dz*, *ǧ*, *ć*, *ǧ* и некоторыми другими знаками (с. 85–94). Он приходит к такому выводу, исследовав графическую и орфографическую практику трех современных резьянских поэтов – Рино Кинезе, Сильваны Палетти и Ренато Квалья. В статье "Происхождение местных различий в вокалических системах резьянщины" (с. 119–148) Виллема Фермера (Лейден) выявлены исторические корни формирования четырех говорных различий в области гласных – в Билой, Ниве, Осоях и Солбице (см. также его раннюю работу: [22]) и установлено, что из 17 гласных 12 имеют одинаковые рефлексy во всей Резье. Автор предлагает нивский говор взять за исходный при нормализации графики и орфографии (с. 144).

Несколько исследований посвящено вопросам создания резьянской нормативной грамматики. Б.М. Грун (Лейден), исходя из того, что любой этнический литературный язык покрывает достаточно пестрое диалектно-говорное пространство, полагает, что такую же задачу должен решить и резьянский литературный язык, при этом он выдвигает несколько общих требований к построению нормативной грамматики: необходимо учитывать состояние языковой системы на всех уровнях, дистрибуцию различий по всем основным говорам, добиваться унификации правописания и гибкости предлагаемых норм (с. 47–54). Милко Матичетов (Любляна) обращает внимание в своей статье "За грамматически бесспорную (непротиворечивую) резьянщину" (с. 67–84) на уникальные особенности диалекта (в частности, в области склонения существительных, в местоимениях и числительных, в глаголе), которые не следует игнорировать при составлении нормативной грамматики. Так, автор полагает, что отражение в ней должны найти, например, все возможности выражения будущего времени в резьянском, как то: 1) *ćon* "хочу" + инфинитив (*ćon pryt* "приду"), 2) *bon* "буду" + причастие на *-l* (*bon videl* "увиджу". т.е. будущее неопределенное), 3) *man* "имею" + инфинитив (*ma pryt* "придет") 4) настоящее совершенное типа *pōjdeš* "пойдешь". Ведь нередко ряд таких форм уживаются в одном предложении, сравни: *Vi b o t a m e l e m i skuzèt, – nu koj ta iše d o j d a t a, – ċ e t a m e t sparjen pa lonèc* "Вы (двое) извините (в будущем) меня, когда придете домой, – найдете также обожженный (обгоревший) горшок" (с. 79). В синтаксисе резьянщины сильно влияние итальянского и фриульского языков, проявляющееся напр., в "потере" одного из отрицаний: *Skorèn i š ć í [ni] hodew delat*

niw Laške "Никто не ходил работать во Фриули (или в Италию)", ср. итал. *Quasi nessuno andava a lavorare in Friuli*.

При составлении нормативной грамматики М. Матичетов призывает обращаться к новейшим образцам резьянской литературы, а также к традиции устной народной литературы.

Х. Стэнвейк (Амстердам) в работе "Диалектная база для резьянского литературного языка" (с. 103–118) показывает специфику фонетического и морфологического варьирования в четырех основных говорах Резьи типа *jĩšiw* (Била) ~ *hĩš* (Нива) ~ *hĩš* (Осояны) ~ *ĩš* (Солбица) "домов", т.е. здесь видно реальное фонетическое и морфологическое (в род. мн.) варьирование. Автор предлагает в качестве основы литературной нормы взять все четыре говора, при этом если между выделяемыми четырьмя формами наблюдаются различия, то прежде всего исключаются изолированные (т.е. единичные, неповторяющиеся); в случае если все четыре формы отличаются друг от друга, то тогда следует обратиться к говору Липовца, поскольку в нем мало изолированных фонологических особенностей, а в административном (и религиозном) плане он располагается в центре Резьи. Пишущий эти строки в статье "Резьянщина: на путях к литературному языку" (с. 29–46), сделав краткий экскурс в историю попыток создания резьянского литературного языка, на материале, взятом им из еще неопубликованного "Резьянского словаря" И.А. Бодуэна де Куртенэ, предложил принцип апостериоризации языкового материала, т.е. сведение многовариантности к более или менее единым нормам, опираясь при этом на определенный говор-основу, учитывая предшествующую литературно-письменную традицию и "оглядываясь" на внешний эталон – на ситуацию в словенском, а также итальянском литературном языках. В качестве основы он предложил билский говор в сочетании с нивским (ядро нормируемого материала), в то время как остальные говоры (периферия нормируемого материала) использовались бы в случае необходимости. Этот же автор выдвинул идею издания Матицы Резьянской (или Резьянско-Словенской), которая объединила бы культурные силы Резьи и заботилась бы о нормах и функциональном статусе молодого литературного языка. Гюнтер Шписс (Коттбус) попытался привлечь в качестве образца для построения норм резьянской грамматики опыт ретороманского литературного варианта, называемого "руманч гришун" (*Rumantsch Grischun*), который основан на трех (из пяти) существующих литературных вариантах – верхнесильванском, сурмейранском и нижнеэнгадинском. Этот опыт, несомненно, может оказаться весьма полезным при решении ряда важных вопросов нормализации литературной резьянщины.

К сборнику приложены "Резьянские тексты" (с. 153–171), в частности, поэзия Италико Бриды Ковач (*Italico Brida Kowáč*), проза Дорины ди Ленардо Чункиной (*Dorina di Lenardo Čunkina*) и переводы религиозных текстов Сильваны Палетти Бертулавой (*Silvana Paletti Bértulawa*). Тексты не транскрибированы и не акцентированы, написаны графикой и орфографией, особой для каждого автора: первые два опираются на итальянскую, а последняя – на словенскую латиницу.

Материалы, представленные в сборнике "Основы практической резьянской грамматики", выявляют весь тот спектр проблем, которые стоят на пути движения резьянщины к литературному языку. Существенно, что в разрешении этих проблем участвуют не только сами носители резьянского диалекта, но и слависты различных стран, так или иначе занимающиеся или же проявляющие интерес к резьянской диалектологии. Издание сборника, осуществленное Х. Стэнвейком, всячески следует приветствовать. Несомненно, что с появлением двух изданий, о которых здесь шла речь, Итальянская Славия станет для славистики еще более привлекательной. Хотелось бы также выразить надежду на то, что современная русская словенистика и славистика в целом проявят более активный интерес к Резье, приоритет в изучении которой на протяжении всего XIX в. всецело, можно сказать, принадлежал отечественной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Romavš F. Dilak dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana, 1931.
2. Logar T., Rigler J. Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1983.
3. Срезневский И.И. О наречиях славянских // ЖМНП. 1841. Ч. XXXI (август). Отд. II.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава – Петербург, 1875.
5. Boudouin de Courtenay J. II catechismo resiano. Udine, 1894.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. III. Резьянский памятник "Christjanske uzhilo" // Зап. ист.-филол. ф-та Имп. ун-та. Ч. CXIV. СПб., 1913.
7. Boudouin de Courtenay J. Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. I. Resianische Texte... St.-Petersburg, 1895.
8. Duličenko A.D. O rezijanoloških obravnavah J. Baudouina de Courtenayja v derptskem obdobju 1883–1893 // Slavistična revija. 1993. Št. 3.
9. Толстой Н.И. И.А. Бодуэн де Куртенэ. Резьянский словарь // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
10. Maticetov M. Resia. Bibliografia ragionata (1927–1979) // Udine, 1981.
11. Cramaro G. To kristjanske učilo po rozoanskeh... Goriza, 1927.
12. Maticetov M. Rožice iz Rezije. Koper-Trst-Ljubljana, 1972.
13. Maticetov M. Zverinice iz Rezije. Ljubljana-Trst, 1973.
14. Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Atti della conferenza internazionale tenutasi a Prato di Resia (UD) 11–12–13 dicembre 1991 / A cura di H. Steenwijk. Padova, 1993.
15. Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia San Giorgio. Amsterdam – Atlanta, 1992.
16. Steenwijk H. Puzzling evidence: An accented vowel system based on Boudouin de Courtenay's Resian texts // Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. Amsterdam, 1987.
17. Steenwijk H. The fate of the circumflex sign in Boudouin de Courtenay's Resian notes // Dutch contribution to the Tenth international congress of slavists, Sofia, 1988. Amsterdam, 1988.
18. Steenwijk H. Sestav naglašanih samoglasnikov v belskem govoru // Slavistična revija. 1988. Let. 36. Št. 4.
19. Steenwijk H. The nominal declension of Friulian loans in the Slovene dialect of Val Resia // Slovene studies. 1990. V. 12/1.
20. Rotta G. Sulla parlata di San Giorgio dopo Boudouin de Courtenay // All'Ombra del Canin – Ta pod Čanynowo sinco. Anno 66. Udine, 1993. № 2. P. 9.
21. Дуличенко А.Д. Одна из последних попыток создания нового славянского литературного языка: резьянский в Италии // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 579. 1981.
22. Vermeer W.R. Rekonstruiranje razvoja samoglasniških sestavov v rezijanskih govorih // Slavistična revija. 1987. Let. 35. Št. 3.